

АКТ ПЕРВЫЙ
КУКУШКА

НА
СУКУ

СЕРГЕЙ

SKOLORUSSOV

16+

Сергей Skolorussov

Кукушка на суку. Акт первый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63531583

SelfPub; 2020

Аннотация

Жизнь прожить – не поле перейти. Чаще всего народную мудрость начинаешь понимать только тогда, когда жизнь проиллюстрирует её на твоей собственной шкуре. Путь к любви не всегда усеян только розами. Иногда он бывает тернистым, болезненным и безжалостным. На долю главных героев книги выпало немало испытаний. Страшных, невероятных испытаний. Но любые испытания – это всего лишь проверка. Проверка того, чего ты стоишь в этой жизни. Проверка стойкости, верности любви и дружбе. Проверка на то, чтобы называться человеком.

Содержание

От рассказчика	5
Акт первый	7
Эпизод первый	8
Жизнь изначальная	8
Эпизод второй	13
Планирование авантюры	13
Эпизод третий	20
Я волшебник	20
Эпизод четвёртый	24
Королевишна	24
Эпизод пятый	34
Клиника дяди Фёдора	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Skolorussov

Кукушка на суку.

Акт первый

«Ты, кукушка на суку, брось в судьбу заглядывать.

И последнее «ку-ку» не спеши загадывать».

Михаил Долгополов

От рассказчика

Попадали ли вы в передряги? Это я вполне серьёзно спрашиваю. Вопрос не относится к числу праздных. Он не касается различных жизненных живописных ситуаций, связанных со взрывом адреналина, чем бы он не был вызван: молодостью, алкоголем или другими «детонаторами приключений». Если рассказ о передряге сопровождается всеобщим гоготом участников и слушателей, то это значит, что мой вопрос, как говорится, не по адресу. Он относится к более серьёзным жизненным коллизиям. Несравненно более серьёзным. Попадали? Уверен, большинство ответит утвердительно. В этом нет ничего удивительного. Такова жизнь. Жизнь с её жестокими и непреклонными реалиями. Даже если вы не отрываетесь годами от экрана монитора, передряги всё равно могут ворваться к вам ударом чего-нибудь тяжёлого из-за угла извилистой линии вашей жизни. Хотите вы этого или нет. Но вот только передряги передрягам рознь. Рассказ о них у кого-то поместится в несколько предложений. Другие будут смаковать свой жизненный опыт целый час. И только редкий "счастливчик" сможет рассказывать о передряге, в которой он побывал, долго, обстоятельно и грустно. И здесь уже вряд ли чья-то улыбка попытается сгладить шуткой его рассказ. Передряги бывают жестокими, непредсказуемыми и фатальными. Их нельзя просчитать заранее. Нет

в реальности той волшебной травки, которую известная поговорка предлагает использовать при неожиданном падении в качестве заменителя мягкого спортивного мата. Не бывает её. В этом заключается сермяжная правда любой трагедии. Никто никогда не может знать заранее, что с ним произойдёт в следующую минуту. Никто. И я не знал. Даже не догадывался. Не ведал, что ждёт меня за очередным весёлым поворотом разудалой мажорной жизни двадцатипятилетнего парня. Парня, чья беспечная улыбка до этого никогда не покидала изгибы губ. Моя передряга не похожа на ту, когда человека от смерти отделило мгновение. Когда он сдал билет на самолёт или не смог отправиться в путешествие на круизном лайнере. Вы понимаете, о чем я говорю. Моя передряга держала меня за горло на протяжении долгого времени. Очень долгого, практически бесконечного. И каждый миг этого времени я не знал буду жив или нет через секунду, другую. Впрочем, не я один. К большому сожалению, некоторые из моих спутников уже не смогут поведать вам свой рассказ. Впрочем, обо всём по порядку.

Акт первый

Кузнечик скачет, а куда – не видит

Эпизод первый

Жизнь изначальная

Зовут меня Фёдор Лемешев. Имя не самое сложное и не самое популярное в современном мире. Но я не обижаюсь, отдавая дань семейной традиции и памяти своих предков. Захотели родители меня так назвать – это их дело. Глупо спрашивать у новорождённого нравится ему его имя или нет. Я тоже не буду спрашивать у своих будущих отпрысков, а назову их так, как захочу я и моя будущая жена. Как без неё, без её участия? Я ведь не тиран. Нет, нет и нет: не деспот, не самодур и не Синяя Борода. Даже наоборот: многие считают, что я женский угодник. Может быть. Не хочу спорить. Но дело не в этом. И так, имя Фёдор я получил в довесок к своему счастливому появлению на свет. Поэтому, какие могут быть обиды? Вообще, на своих предков мне грех обижаться. Они всё делали для того, чтобы я прожил счастливую и полноценную жизнь. «Полноценную» – естественно, по их родительским меркам. А они, эти «мерки», несколько расходились с моими планами на будущее. Вернее: вообще не совпадали. Ну не хотел я быть врачом. Хоть препарируйте меня, хоть пичкайте седативными пилюлями – не хотел. И точка! Мои папка с мамкой – «дохтора» до мозга костей. Прав-

да, отец давно уже не практикует, а занимается бизнесом на ниве медицинских услуг. Но мамка по-прежнему врач. Она заведует местным роддомом. Забыл сказать, что родился я и прожил первые семнадцать лет своей жизни в одном сибирском городке, известном на всю страну изобилием подземных природных кладовых. За последние сорок лет из его окрестностей выкачали столько нефти, что её вполне хватило бы, чтобы заполнить котловину, в которой эти же сорок лет назад плескалось Азовское море. Интересно, что там теперь под землёй? Пустота? Мой родной город не провалится в бездну? Впрочем, этот вопрос меня мало волновал, когда я с лёгким сердцем сел в самолёт, чтобы, пролетев три тысячи километров, стать студентом лучшего, по версии предков, медицинского ВУЗа. Поступил легко. Без каких-либо проблем. Но запала родительских наставлений хватило только на то, чтобы приобрести белый халатик, шапочку и личный скальпель для препарирования лягушек. Явившись во всё белом, словно ангел, на первую же лекция, я вдруг почувствовал, что скальпель этой далёкой для меня науки жёстко режет моё представление о будущем. Моём личном будущем. Это моё будущее! Мне в нём существовать. Мне, а не папке с мамкой. Монотонный голос лектора душил мою свободу и тягу провести молодые годы весело – в насыщенной страстями атмосфере приключений и ночных походов. И я в тот момент задал себе вопрос: «Ты готов сидеть с бутербродом и пыльной кипой лекций в пропахшей фор-

малином анатомичке, изучая содержимое брюшной полости культурного питерского бомжа, завещавшего своё тело науке?» Что мне, смазливому парню, блондину от рождения, у которого хорошо подвешен язык, статная спортивная фигура, весёлый характер и непомерная тяга к женскому полу, делать в этом душном храме ненавистной мне медицины? Я даже не стал отвечать на собственный вопрос. Просто встал и ушёл. Это не моё. Весь мир лежал у моих ног. Валялся. Подходи и бери. Поэтому больше меня никто на лекциях особо не наблюдал. Ещё бы! Когда студенты тащились в институт, я возвращался домой после очередного ночного кутежа. В лучшем случае спал прямо в лекционном зале, прикрывшись бумажками, белыми и стерильными, как мои знания. Ничего мне институт не дал. Вообще ничего. Пустой диск моего биологического компьютера, предназначенный для хранения медицинских терминов, заполнила совсем другая информация, которую я впитывал в ночных барах и на танцполах. Впрочем, что-то мне мед всё же дал. Конечно, дал. Я приобрёл в нём друга. Феликс Клепалов поначалу даже пытался перещеголять меня в крутости ночных походов. Но после того, как мы оба, посетив кабинет ректора, получили последнее китайское предупреждение, он успокоился и, обуздав своё эго, стал более ответственно относиться к учёбе. А меня, как вы понимаете, выперли уже после первой сессии. Но эти неожиданные обстоятельства, значительно мешающие контактам, не повлияли на нашу дружбу. Она под-

держивалась не только естественной тягой близких взглядами на жизнь двух молодых людей. Нет, не только этим. Дело в том, что предки постоянно осуществляли дистанционный контроль за моим обучением. Слава богу, что они это делали не прямыми контактами с профессурой. Фу..., слава богу. Хорошо, что есть интернет! Общась посредством всемирной паутины, родители время от времени задавали мне каверзные вопросы по темам изучаемых дисциплин. А так как я по-прежнему был настроен получать от них удовольствие для вольготной жизни, мне хочешь не хочешь, приходилось наведываться к Филе, расспрашивая его о сути терминов, содержании лекций и практических занятий. Впрочем, далеко ходить не приходилось. Клепалов тоже был не местным, поэтому мы с ним вскладчину снимали квартирку на Петроградке. В связи с этим круг общения у нас был практически идентичным. Подруги моих подруг естественным образом становились подругами Феликса. И наоборот. Почему родители так и не узнали о подлоге? Видимо я умел красочно врать и выкручиваться. Цепкая память помогала манипулировать теми каплями знаний, которые я получал при посредничестве Феликса. Кому это было надо? Мне. Уж очень не хотелось впасть в немилость своим предкам. Да и тысяча баксов, присылаемая на пропитание бедному студенту, была нужна позарез. При моём образе жизни – это небольшие деньги. Но они являлись гарантией, что я удержусь на плаву. Куда плыл? Бог его знает. Но я верил в свою звезду, в свои

способности, в своего ангела-хранителя.

Но всё, что течёт, имеет свой естественный финиш. Настал тот час, когда пришлось сообщить мамочке и папуле об окончании института. Как ни в чём не бывало я выслал им фотку, где мне, облачённому в мантию, вручают диплом. Копию самого документа я тоже отправил. Фотошоп творит чудеса. За образец, естественно, был взят диплом Клепалова. Что дальше? Трудно сообразить, что делать дальше, когда вообще ничего неохота делать. Время шло, но я так и продолжал купаться в прострациях своего подвешенного состояния.

Всё изменилось по мановению палочки. Вернее, нашлись «заботливые» руки, которые смогли раскрутить волчок моей активной деятельности до головокружительного состояния.

Эпизод второй

Планирование авантюры

Заботливых рук было множество и протянулись они к моему горлу практически одновременно. Со всех сторон протянулись. Что мы делаем, когда попадаем в сложные ситуации? Правильно, бежим к другу:

– Эйч, у меня одна надежда на тебя.

За долгие годы дружбы мы научились понимать друг друга с полуслова.

– Мамка едет? – ехидная ухмылка на губах товарища го-
ворила: «Не всё коту масленица».

– Не едет, ждёт.

– Зачем?

– Хотят меня в мамкин роддом пристроить. Врачом.

– Хорошо.

– Плохо.

– Почему?

– Фотошоп для родителей – шутка. Для роддома – преступление. И сразу скажу: «Сам дурак».

– Раньше надо было думать.

– Я уже ответил.

– Эх, я бы поехал, – грустно вздохнул безработный Фе-

ликс.

– Эйч, ты забыл? У меня диплом фальшивый. Я же ни бум-бум, – пришлось для наглядности постучать по собственному котелку.

– Ой! Удивил. Как нас сейчас учат, так те, что с дипломами, не больше твоего знают. И ничего. Страна не парится на этот счёт. Все сами себя давно лечат.

– Психотерапевтом я бы пошёл. Ответственности никакой – болтай, что хочешь. Но врачом – нет, ни за какие коврижки. И вообще: после того как я окончательно заврался, путь домой мне заказан.

– От меня что надо?

– Офис.

– «Офис»?

– Который ты охраняешь. Его ещё не сдали в аренду?

– Нет. Но порнуху снимать не пущу.

– До этого я ещё не докатился.

– Докатишься. Зачем тебе офис?

– Резидент близок к провалу. Нужны веские доказательства, что я нашёл классную работу в Питере. Хочу на твой офис вывеску своей конторы прибить.

– В чём проблема? Бери в инете фотку любого царского дворца и фотошоп тебе в помощь.

– Фоткам, мне кажется, они уже скоро перестанут верить. Хочу фильм снять, чтобы всё реально было.

– Фильм? О чём?

– О том, что я работаю в «Клинике Борменталья».

– Сценарий есть?

– Нет, но будет.

– Борменталь, Борменталь... Ха! – Филя на миг оторопел от моей авантюрной наглости. – Это который Полиграф Полиграфович?

– Эйч! Ты дурак? Полиграф – это Шариков.

– А! – он почесал затылок. – Профессор?

– У тебя каша в голове. Не читай жёлтую прессу.

– Так другой нет.

– Вот никакую и не читай. Борменталь – это помощник профессора Преображенского.

– Точно.

– Точнее не бывает.

– И кем тебя берут?

– Ведущим специалистом.

– Тебя? В клинику? Ведущим специалистом?

Клепалов, как и я, никак не мог найти для себя достойного места в жизни. Поэтому новость о моём трудоустройстве его сильно разозлила. Он даже забыл, что и должность, и клиника – выдуманы мной.

– Ладно, не трепещи. Поможешь?

– Нормально, так. Он, понимаешь, устроился в клинику. А я – российский безработный – должен ему помогать. И что ты там будешь делать?

– Буду гипофиз новым русским пересаживать. Копи баб-

ки – и тебе пересажу. А то совсем плохо соображаешь. Поможешь?

– Думаешь, твои предки поверят? Они поди знают кто-то такой Борменталь. Читали Булгакова.

– Фил, не позорься. Это филиал известной медицинской сети. Просто фамилия среди медиков распространённая.

– Ври больше. Что-то я о ней не слышал.

– Не слышал, ну и не надо. У тебя вообще кругозор ущербный.

Филя встал в позу:

– Я ведь и обидеться могу. Это ты меня просишь о помощи, а не я тебя.

– Эйч, хватит уже паясничать. Поможешь?

– Помочь-то можно, но заранее предупреждаю: денег у меня нет, диплом на прокат тоже не дам. Сколько, кстати, тебе там платят?

Я пощёлкал пальцами перед мордой Клепалова, пытаюсь вернуть его в реальный мир:

– Фил, пора завязывать с бухлом. Мне там вообще ничего не платят.

– Что-то ты в показаниях путаешься. А мне от твоей просьбы какая выгода?

– Тоже снимешься. Будешь девчонкам показывать.

– Зачем?

– Хм! И правда, незачем. Ты у нас и без этого красив, статен, да ещё с дипломом об окончании Первого медицинско-

го.

– Ой, Федька! Лесть, как говорил Ги де Мопассан, способна открыть двери любых спален. Подлизываться ты умеешь. Я и без этого знаю.

– Хорошо, уговорил. Литр вискаря. Идёт?

– Какого?

– Выбор за тобой.

Идея с вывеской была дурацкой. Но она почему-то крепко втемяшилась в мою башку. Мне казалось, что родичи уже не поверят в очередное сляпанное в фотошопе фото. А вот видео – совсем другое дело. А что ещё можно было сделать? Папка с мамкой упёрлись рогом и не верили, что я устроюсь на нормальную работу здесь, в Питере. Они даже сняли меня с довольствия, угрожая при этом приехать, чтобы забрать меня отсюда насильно.

– Идёт, – кивнул головой Феликс. – Но всё равно ты дубина, раз отказываешься возвращаться в Сургут.

– Сам «дубина». Не хочу возвращаться. Без их опеки проживу.

– Без их опеки ты сразу ко дну пойдёшь.

– Не пойду...

– Бомжом станешь.

– Не стану...

– Ой, ой. А на что жить будешь?

– Что-нибудь придумаю. Голова нужна человеку не только для того, чтобы ей есть и пить.

– Ну-ну. Тебе жить, – он вдруг оживился: – Вернее, слу-
жить. Опять по твою душу повестка пришла.

– Ничего страшного. Я военник куплю.

– У чурок что ли?

– Сам ты «чурка». Я уже в военкомате договорился, лич-
но.

– Прощельга. А кто родину защищать будет?

– Отвали.

– Я-то отвалю. Только скажи, родной, бабло откуда? Кре-
дит возьмёшь?

– Родичи на билет завтра вышлют.

– Военник, плюс вывеска. Деньги немалые. Билет не по-
кроет.

– Они пару тысяч баксов сверху кинут. Я им сказал, что
тебе задолжал.

Феликс не удержался, чтобы не замахнуться на меня ку-
лаком:

– Ты моим именем вертишь, как буря флюгером. Вот, кто
ты после этого?

– Твой лучший друг.

– «Лучший друг» ... Но мне кажется, что парой тысяч бак-
сов ты от армии не отмажешься.

– Крутану родительский «спасательный круг» на тотали-
заторе.

Клепалов схватился за голову и стал летать по комнате
взад и вперёд, постоянно приговаривая:

– Вот послал бог друга: ни ума, ни фантазии. Господи, помоги ему, вразуми дитя несмышлёное.

– Всё нормально будет!

– О господи! Он ещё и баран упёртый! Как жить? Как жить? Кругом дебилы! Дураки простодушные. А я такой умный и продуманный до сих пор с пустыми карманами!

Когда Феликс узнал, какую ставку я собрался делать, он вообще вошёл в раж, то вздымая руки к небесам, то шупая мне лоб и опуская нижнее веко:

– Температура нормальная, зрачки не расширены. Какой бес в тебя вселился? Ты соображаешь, что творишь?

– Соображаю. Всё будет тип-топ.

– Придурок! Ты собрался ставить три тысячи баксов на «Булонь»? Я не ослышался?

Эпизод третий

Я волшебник

«Булонь» крепко зацепилась за последнее место в чемпионате Франции по футболу. Очень крепко зацепилась, очень. Казалось бы, нет такой силы, которая способна отодрать эту команду от столь облюбованного ею последнего места. В субботу она ехала к лидеру в Лион. После двадцати туров у «Булони» было ноль очков, при разнице забитых и пропущенных голов 6:57. «Лион» к тому времени не потерял ни одного очка, забил 44 гола, а пропустил всего пять. Безоговорочный лидер принимал столь же безоговорочного аутсайдера. Но я на это и рассчитывал: чёрные и белые полосы когда-нибудь да заканчиваются. У всех заканчиваются. Даже у записных мальчиков для битвы из Булони и триумфаторов последних чемпионатов из Лиона.

Не смотря на небывалую истерику дружка, я был спокоен, как слон, и сделал всё так, как планировал: заплатил за вывеску «своей» клиники, а остальные родительские деньги залил на победу «Булони». Коэффициент был бешеным: 1:16! Я рассчитывал на значительный куш, который позволял мне надолго забыть о всех моих проблемах. А как жить дальше – что-нибудь придумаю. Какие мои годы? В двадцать

три жизнь только начинается. Весь мир в кармане. Делай с ним, всё что захочешь!

К вечеру субботы Клёпа налился до неменяемого состояния. Когда начался матч, он уже похрапывал в кресле, опустив руку с недопитым виски вниз. Это он вытребовал, чтобы я обещанный ему бонус приобрёл заранее – пока не спустил все оставшиеся деньги в тотализаторе. Я пить категорически отказался и теперь молча наблюдал за футбольной баталией неинтересного мне чемпионата. «Лион», как и полагается флагману французского футбола, начал давить с первых же секунд матча. Опасные моменты перед воротами «Булони» возникали с калейдоскопической быстротой. Казалось, вот-вот, сейчас-сейчас, ещё чуть-чуть и лидер воплотит свой потенциал в реальную цифру на табло. Но время шло, а мяч никак не хотел влетать в ворота, которые я замаливал непрерывной мольбой, священными песнопениями и мысленными оберегами. Нападающие «Лиона» мазали из самых убойных позиций. Пару раз они не попали в пустые ворота буквально с трёх метров. Но и вратарь «Булони» был на высоте. Его фантастические сэйвы надолго прославили парня в родном городишке. Он тянул такие мячи, которые не смогли бы вытащить даже самые прославленные вратари мира. Такой валидольный футбол продолжался до последней минуты. Другой на моём месте просто бы окочурился. Я, скорее всего, тоже скинул пяток кг. Но при этом, как мне казалось, был спокоен, словно удав. Впрочем, не знаю: труд-

но в таком состоянии судить о себе объективно. Мы не можем видеть себя со стороны. Вот если бы я догадался сделать видеозапись, тогда, конечно. Другое дело. Ничейный исход меня тоже никак не устраивал, как и проигрыш любимой с тех пор французской команды. В общем, вы уже догадались, чем дело закончилось. На третьей дополнительной минуте матча неизвестный никому в России ни до, ни после этого лысый негр по имени Мэт Девлин Мусило Массамба – его имя я, естественно, запомнил навсегда – подхватил мяч на своей половине поля, протащил его мимо четырёх защитников, ложным замахом обманул вратаря и закатил в ворота. Всё на этом! Свисток судьи и я завизжал так, как визжит свинья, которую режут пилкой для маникюра. Филя аж выронил бутылку и подскочил на метр, не меняя при этом позы. Дорогое виски растекалось по полу, а мой закадычный дружок орал на меня:

– Вот урод! Скотина! Тут пашешь день и ночь на трёх работах, а этот кретин – бац и в дамках! Сволочь! Ну почему мне так не везёт?

– Везёт тем, кому везёт. Надо уметь рисковать. А главное, быть фартовым.

Я сиял от счастья, которое пёрло из меня без перерыва ещё целую неделю. Если честно, мне всегда везло так, что я даже считал себя волшебником. Ну, предположим, не полноценным, а только начинающим – но всё же. Иногда мне казалось, если я на этом поприще сосредоточусь и разовью дан-

ный природой дар, то стану полноценным настоящим волшебником. Но для воплощения этого месседжа в жизнь мне не хватало концентрации внимания и нацеленности. Да и попросту было не до этого. Я порхал по жизни с природным даром в кармане, который исполнял для меня все мелкие капризы. Обычно мои волшебные запросы ограничивались бытовой сферой, либо сферой лирических отношений. Материальное исполнение волшебства со мной произошло впервые. Ес-с-с! Я волшебник!

Наконец, праздники закончились: мне позвонили из фирмы, где изготавливали вывеску для клиники. Всё готово.

Эпизод четвёртый

Королевишна

В солнечный тёплый день я стоял на помпезной улочке Санкт-Петербурга, прилегающей непосредственно к Невскому проспекту. За моей спиной рабочие, одетые в новенькие спецовки, закрепляли на стене шикарную вывеску. Она гласила: «Центр вербальной медицины. Клиника Борменталья». На мне был взятый на прокат смокинг. Голову украшал медицинский колпак. Выглядело всё это довольно куртуазно. Но мне казалось прикольным так вырядиться. У парадного входа, украшенного гирляндами надувных шаров, лыбился во всю физиономию персонал клиники: два «молодца одинаковых с лица» в строгих костюмах и три девушки в коротких медицинских халатиках. С близнецами – Святославом и Станиславом – я познакомился давно. Они были на подтанцовке у местной шансонетки, украшающей своим ужасным пением, больше напоминающим гнусавый речитатив, одно из популярных злачных мест. Парни с удовольствием согласились мне помочь за не очень большую мзду. Вдобавок по моей просьбе они привлекли к этому знаменательному для меня событию знакомых танцовщиц. Феликс старательно снимал всю эту красоту на фотоаппарат с длинно-

фокусным объективом. Современная фототехника легко исполняет и функцию видеосъёмки. Клепалов был замечательным фотографом. Я даже иногда убеждал его, что с таким талантом он легко мог бы обойтись и без медицины. Поэтому за качество фото и видеосъёмки я не беспокоился. Эх, дружище, что бы я без тебя делал? Филька был интересным экземпляром. Рост – чуть ниже среднего. Физическое развитие: не ботан, но и не Геркулес. Сексуальная привлекательность? Не знаю, мне трудно оценить. Впрочем, если бы я был девушкой, вряд ли меня привлёк его нос – чуть длиннее среднего; подбородок – чуть массивнее, чем у всех; кожа – довольно угрястая, и толстые линзы в роговой оправе. Хотя, как друга, лучше Феликса я бы вряд ли где нашёл. Он умный, добрый, справедливый и преданный. Такой не подведёт.

Неожиданно прямо напротив входа в «мою» клинику тормознул шикарный авто. Вымуштрованный водитель, больше напоминающий дорогого телохранителя с безупречной выправкой, открыл заднюю дверь, в проёме которой показалась изящная женская ножка. А вслед за ней возникла прелестная фигурка обладательницы изящных ножек. Зачем это чудо природы к нам явилось? Она была хороша собой. Слишком хороша даже для того, чтобы быть ангелом, ниспосланным с небес. Придаться к её безупречному наряду не сумел бы даже такой знаток стандартов красоты, как почётный член Российской академии художеств Саша Васильев. Это я конечно утрирую и стебаюсь, пытаюсь спрятать своё смущение.

ние от явления такого божественного создания, украсившего мою авантюрную затею. Да-да, даже я, совсем не обиженный в этой жизни женским вниманием, на некоторое время потерял дар своего неподражаемого спокойствия и некоторой наглости в общении с женским полом. Филя – он вообще остолбенел, отвесил челюсть и готов был выронить из рук самое дорогое, что нажил к двадцати трём годам – фототехнику фирмы «Nikon». Диво дивное расправило плечи, улыбнулось и спокойно продефилировало прямо ко мне. Она была прекрасна. Эти огромные тёмно-карие глаза, этот точёный нос и чуть припухшие губы! Ух! Её красота завораживала. Статная фигурка была украшена высокой шеей, шикарными бёдрами, узкой талией и, естественно, ногами, к которым трудно подобрать подходящий эпитет. Такого эпитета ещё не придумали. В моей голове тут же завертелись варианты точного определения, созерцаемого мной явления. Статусу принцессы она явно не соответствовала по возрасту. Её трудно было сравнивать с ребёнком. Богиня! Нет, не пойдёт. Ещё поклоняться потом заставит. Примадонна! Тоже не катит. Узнает, что я её так называю, обидится. Обычно примадонны – это совсем уже зрелые дамы. Королева! Тоже не то. Королева – это власть. Ещё не хватало, чтобы мной кто-нибудь помыкал. Королевишна! О! Само то. А в постели я буду её звать коротко: Кэрл.

Чуть поведя головой с чёрными локонами пышной шевелюры, Королевишна слегка улыбнулась, обратившись ко

мне:

– А куда подевался салон красоты?

Быстро стряхнув сковавшее меня на миг оцепенение, я попытался пошутить:

– Его мастера, не выдержав пытки, дружно записались в монастырь.

– Какой «пытки»? – также спокойно улыбаясь, переспросила обладательница неземной красоты.

– Пытки, связанной с тем, что вы долгое время не радовали их своим богоявлением.

– Ну, предположим, меня не было в Питере всего лишь месяц.

– Целый «месяц»? А я думаю, почему в нашем городе стало так тускло и уныло?

– Ладно, ладно, разговорился. Скажи лучше, куда они переехали?

– Готов исполнить любое ваше реальное волеизъявление, – я по многолетней привычке уже натянул на лицо нагло-циничную улыбочку, предчувствуя новый поворот в своей судьбе. – Готов сопровождать вас по жизни, красить ваши ногти, расчёсывать кудри, целовать ножки, сплясать гопака или спеть арию Арлекино. Всё, что угодно! Но быть справочным бюро я не привык.

Она хмыкнула, не найдя что ответить на мою наглость, и резко крутанулась на высоких каблуках, явно собираясь вернуться в салон своего дорогого авто.

Я продолжал стоять, смотреть на неё и твердить своё обычное заклинание: «Я волшебник! Я волшебник! Сейчас она повернётся, сейчас она вернётся. Я волшебник!» Обычно это срабатывало. Почему? Не знаю. Чудо.

Красавица остановилась и повернулась ко мне. Её улыбка уже вовсе не была дежурной. Такую располагающую к общению улыбку я видел за свою короткую жизнь ни один раз. И сразу понял: золотая рыбка клюнула.

– А сейчас здесь что будет?

Я тут же взял инициативу в свои руки, слегка дотронувшись до её локтя. Неожиданно между моими пальцами и её рукой проскочила искра статического разряда.

– Ух ты! Какая у вас энергетика! Пройдёмте, – я указал рукой на дверь, – сейчас я вам всё покажу и расскажу.

Мы двинулись к крыльцу, на котором дружно светилась улыбками моя подтанцовка. Краем глаза я обратил внимание, как физиономия Фили вытянулась от ужаса. За украшенной гирляндами надувных шаров дверями были только голые стены и ничего другого. Ничего другого, кроме форменного надувательства. По пути я чревовещал:

– Это место станет теперь самым модным среди первых красавиц Санкт-Петербурга. Хотя имя самой первой мне до сих пор неизвестно. А это неправильно. Хотелось бы исправить эту досадную оплошность.

«Первая красавица» вновь слегка хмыкнула, явно не желая так запросто раскрывать своё инкогнито.

– Впрочем, как угодно. Мне и без этого доставляет утешительное удовольствие лицезреть вас среди белого дня. Совершенно напрасно...

Я сделал паузу.

– Что «совершенно напрасно»? – обратила она на меня свой взор.

– Теперь я осознал, что совершенно напрасно прожил все предыдущие годы. Если я снова не увижу вас – впору записываться в тот же монастырь, что и мастера салона красоты, – сказано это было вкрадчиво, с едва заметной эротической тональностью.

Она остановилась:

– Наглец, самец, подлец, – содержание сказанного не предвещало ничего хорошего. Но улыбка дивы говорила об обратном. Её глаза поедали меня, рассматривая и оценивая.

Я не скажу, что я красавец. Но мужику не обязательно быть нарциссом. Нет. Но обязательно надо быть харизматичным. Лёгкий штрих наглости и говорливости образу харизматичного сердцеда вовсе не помеха. Даже наоборот. Не знаю чем, но я всегда добивался своего. Иногда было даже обидно, что женщин я завоёвывал без особых усилий. Меня больше заводила неприступность. Что может быть прекрасней, чем спустить флаг с бастиона крепости, готовой к многолетней осаде. Звучит цинично. Но мне это нравилось. Какой-то неподражаемый сексуальный азарт проникал в каждую клеточку моего организма в тот момент, когда я видел

новую цель для упорного штурма. Вот и сейчас я завёлся так, что адреналин вскипал в жилах, выплёскивая протуберанцы колоссальной энергии на прекрасную гостью. Она явно чувствовала это. И долгий пристальный взгляд, пытавшийся расшифровать мой геном, подтверждал это. Я же не отводил глаз и не пытался быть благоразумным. Так мы стояли пару минут. Наши глаза источали энергию лазерных мечей джедаев, сошедшихся в перекрёстном поединке. Я не сдался и не отвёл взор от её лица.

Она наконец снова слегка хмыкнула и тихо прошептала:

– Наглец, каких свет не видывал. Ты знаешь, на кого глаз положил?

– Знаю.

– Знаешь? Откуда?

– Знаю, знал, узнаю. Временные рамки здесь ни о чём не говорят. Уверен, что вижу тебя не в последний раз. И этим всё сказано.

– Это уже ни в какие ворота, – она готова была уйти, но мой взгляд держал её на привязи. – Всё мальчик. Я уйду. Гуд бай.

Красавица слегка повела плечом, пытаясь отвернуться от меня. Но не ушла. Слегка прикусив нижнюю губку, она крепко закрыла глаза и вновь распахнула ресницы:

– Так что у вас здесь намечается? – дива дивная выплеснула пальцы из своих ладоней прямо перед моим лицом, явно пытаясь снять заклятие. – Вы хотели показать мне ваш..., э-

э-э..., вашу клинику, – чуть близоруко прищулив глаза, она прочитала вывеску.

– Непременно. Пройдёмте внутрь, – я вновь слегка дотронулся до её локотка и вновь получил разряд статического электричества. – Вам не кажется, что у нас сопоставимый по накалу заряд энергии?

– Да. Но разность потенциалов налицо. Заряды наши противоположной направленности.

– Разве это плохо? Однополярные заряды отталкиваются. А противоположные притягиваются. Разве не так?

Я всё ещё нагло поедал её глазами.

– И насколько тебя тянет ко мне, – она откинула прочь условности.

– Трудно оценить в цифрах. Но удержаться сложно. Приходится напрягать всю силу воли. А она у меня не бесконечная.

– Даже так?

Понимая, что наше «стояние» посреди тротуара недвусмысленно, красавица предприняла новую попытку привести наше общение к этической норме. При этом она повысила голос, чтобы его слышали посторонние:

– Хорошо, хорошо. Вы обещали мне рассказать о вашей клинике. Борменталь – это кто?

– Борменталь – это известный на весь мир доктор, сеть клиник которого, опоясала земной шар, – привычно начал сочинять я. – Особо они пользуются популярностью у выс-

ших каст Европы и Америки. Наша клиника первая ласточка этой сети в России.

– «Вербальная медицина» – это вообще о чём?

Если бы я только знал, что мне придётся отвечать на этот вопрос, то, наверняка, заранее прогуглил бы на эту тему весь инет. Но данный термин был взят мной с потолка, высосан из пальца. На тот момент мне казалось, что это я сам его придумал. Но оказалось, что «вербальная медицина» существует. Видимо, информация о ней завалилась в потаённых подвалах моего мозгохранилища:

– Вербальная – это значит всеохватывающая и максимально персонифицированная. У нас уникальный подход для каждого клиента. Здесь в клинике, мы производим тщательную подробную диагностику при помощи самых современных методик и оборудования. Стратегия клиники: минимизировать медикаментозное влияние терапевтических препаратов, отдавая предпочтения комплексному лечению при помощи самых передовых методик. Человеку не обязательно пачками глотать таблетки, чтобы быть здоровым. Кто-то может излечиться при помощи воздуха соляных пещер, а кто-то, увидев своё красивое отражение в зеркале. Когда клиенты клиники Борменталья бодры и веселы, им не страшны никакие болезни. У нас можно получить и стоматологические услуги, и массаж, и водные процедуры. А также покинуть наше заведение с шикарным маникюром и новой причёской. Это я образно рассказываю. В общих чертах.

В это время мы практически упёрлись в дверь клиники. Я резко остановился и всем видом показал, что не намерен идти внутрь:

– Вы знаете, я не поведу вас сегодня в святая святых. Там ещё не убрано, и некоторое оборудование не распаковано. Кроме того, ваше появление привело меня к великолепной идее.

– Интересно, какой?

– В надежде вновь лицезреть вас здесь я готов переманить вашего парикмахера. Скажите его имя, и, приехав сюда на открытие, вы сможете получить весь комплекс наших услуг, в том числе услуги ваших привычных мастеров макияжа.

Она улыбнулась. Обещающе улыбнулась:

– Когда открытие клиники?

– Ровно через две недели.

Перед расставанием я узнал номер её телефона:

– Как вас записать в «контактах»?

– Как хочешь, так и запиши. Я пока окончательно не решила: приеду или нет.

Глядя на бесконечный перечень женских имён в своём телефоне, я почесал затылок: «Как же тебя назвать, чтобы не перепутать?» Длинное «королевишна» писать было неохота, и я забил первое, что пришло в голову. Этого имени в моём справочнике уж точно не было – «Жанна».

Эпизод пятый

Клиника дяди Фёдора

О, что это было за время! Никогда в жизни до этого я столько не пахал. За эти две недели мне довелось спать едва ли часов по пять в сутки. Возможно даже меньше.

Когда я получил выигрыш от букмекерской конторы, то почувствовал себя Крезом. Полсотни тысяч баксов! Но оказалось, что это не столь уж значительная сумма. Слава богу, что у меня не было времени расслабиться и спустить на себя любимого часть этого бабла, так запросто свалившегося на мою легкомысленную голову. Но для запуска бизнеса, а я, как вы поняли, реально вознамерился открыть эту самую контору Борменталья, даже таких денег явно не хватало. Площадь арендуемых помещений превышала 200 квадратных. С трудом я уговорил арендодателя сдать мне офис без залога, внеся три тысячи баксов в качестве оплаты за первый месяц. Но дальше расходы стали расти, словно бамбук в тропическом лесу во время сезона дождей. Надо же было по высшему разряду оборудовать выдуманную мной клинику! Для начала я принял на работу всю подтанцовку, состоящую из братьев и их подруг. Они согласились при условии только дневной занятости, что я им, естественно, обещал. Интерес-

но, я никогда не верил, что близнецы даже думают одинаково. Оказалось – это факт. Договаривался я с ними о найме по раздельности. Говорю, мол, пока готов платить только минимальную зарплату. На какую вы согласитесь? Оба назвали абсолютно одну и ту же цифру: 700 баксов. Запросы девочек были значительно скромнее. Но меня такие зарплаты сотрудников вполне устраивали. Я даже выплатил всем небольшой аванс и обещал премию за переработку в стартовую неделю. Дел было невпроворот. Увидев моё рвение, весь новоявленный персонал тоже загорелся работой полной энтузиазма и вдохновений. Для начала я закупил офисную мебель. Причём, не дешёвую. Всё должно было быть по высшему разряду. К этому обязывала заявка на «самую модную клинику, не имеющую аналогов в Питере». А также моё личное горячее желание не ударить лицом в грязь перед Королевишной. Любая контора начинается с вывески. А на нашей чёрным по белому написано: «клиника». Вывеску менять будем? Нет, вывеску менять не будем. За неё деньги заплачены. А главное, её уже прочитала Королевишна. Поэтому надо плясать от печки. Раз написано «клиника», значит, то, что мы открываем будет клиникой. Но в любой клинике работает медперсонал. Вывод: надо идти к Феликсу. Он был единственным обладателем медицинского диплома, которого я мог втянуть в свою аферу. Но неожиданно дружок заартачился:

– Лем, иди в задницу! – это он так мою фамилию сокра-

щал. – Я не собираюсь участвовать в твоих аферах, которые закончатся весьма плачевно. По крайней мере, с моим везением, мне точно придётся париться на нарах. Мне это надо?

Вот что за дружок у меня? С таким кашу не сваришь. Даже не заваришь чай. Вообще-то он парень неплохой – добрый и товарищ надёжный. Но слишком уж осторожный и правильный: законопослушный, что ли. Аж тошнит. Я схватил его за грудки и оттащил шуплое тело друга в угол:

– Эйч, ку-ку, Филя! Ты дурак? Я тебе даю шанс прожить жизнь на полную катушку! А ты готов забиться в угол и всю жизнь ныть в нём о том, что в нашей стране врачам платят крохи, а вот в Америке ты бы получал за такую работу в сотни раз больше. Ты этого хочешь?

Толстые стёкла очков моего дружка от натуги запотели, но он не смог вырваться из моей жёсткой хватки и прохрипел:

– Лучше ныть на бюджетной работе, чем на бюджетных нарах.

Да, у меня не было ни лицензий для оказания медицинских услуг, ни малейшего представления о том, каким образом этот процесс осуществляется. Я, вообще-то, ввязался в авантюру совершенно незнакомой мне сферы человеческого бытия. Но, назвавшись груздем, надо было лезть в кузов. Я уверенно надавил на дружка:

– Брось! Какие нары!?! Я верю, что у нас всё получится. Мы с тобой будем купаться в деньгах и славе. Наша контора загремит по всему Питеру! Да что там – Питеру? По всей

стране, по всему миру!

– Это не контора загремит. Это мы з-загремим под стацию! – от возбуждения, пытаясь противостоять моему напору, он даже стал слегка заикаться.

Я пошлёпал его ладонью по щекам:

– Очнись, Феликс, очнись! Потом будешь проситься, но я не возьму. Многие захотят работать в лучшей клинике мира. Но мало кто сможет осуществить эту мечту. Тебя же я тащу за шкуру, но ты упираешься.

– Господи, дай ума этому глупому созданию. Он не знает, что н-несёт. Лучшая клиника мира? Какая н-нахрен клиника? Очумел?

– Нет. Мы затем ещё акционируем наше начинание, этот наш стартап. Акции клиники Борменталья будут продаваться на Лондонской бирже.

Это сообщение нагнало на моего визави беспредельную истерику. Он неожиданно вырвался и выскочил из заточения в углу. При этом его футболка потеряла левый рукав. Филя машинально пытался приклеить его на место:

– П-последнюю путёвую футболку порвал. П-придурок, авантюрист. По тебе п-психушка плачет. Лондонская биржа. Надо же д-додумать до такого. Совсем м-мозги потерял. Уверен, что ты до сих пор не зарегистрировал свои «Рога и копыта».

– Естественно, нет. Сейчас не до того.

Я к этому относился совершенно спокойно. У меня прин-

цип: всё решать по ходу пьесы. Зарегистрировать контору никогда не поздно. А если не получится, то проблемы с регистрацией и закрытием конторы отпадут сами собой.

– В-вот и ответ на твоё предложение. Я не дурак, чтобы совать свою голову в эту клоаку. Д-делай что хочешь, но без меня.

Я бы плюнул и ушёл. Но, во-первых, я знал своего друга, как облупленного. Во-вторых, он был мне нужен во всех отношениях: как надёжный товарищ и партнёр, как специалист и как трезвый советник, который бы меня сдерживал совсем уж в лихих начинаниях. У Клепалова была одна слабость: он всегда был не против выпить. За чужой счёт – тем более. Предполагая сложности, я прихватил с собой много дорогой выпивки и закуски. Когда время перевалило за полночь, Феликс согласился, но на особых условиях. Условия были следующими: ни при каких обстоятельствах он не подписывает никаких документов. Работает, что меня уже не удивило, только в дневное время. Плюс к этому: я выплачиваю ему компенсацию за один месяц. Что ж, логично. Из-за меня Филя потерял работу в качестве охранника пустого офиса. И последнее условие: он в новой клинике ни под каким соусом не занимается лечебной практикой. Я махнул рукой – главное, что Феликс согласился быть всегда рядом со мной. А остальное отrixтуем.

Через день Клепалов уже погрузился с головой в работу и забыл о своих капризах. Мы с ним много спорили о сути

нашего предприятия. И пришли к выводу, что никакого реального лечения мы здесь осуществлять не будем. Лечение релаксом — вот наша фишка. Мы будем оказывать уникальные и потому очень дорогие услуги для женской половины элиты нашего города. Вот только какие?

— Массаж, как без него? Массаж у нас должен быть!

Феликс поправил на носу очки и качнул головой:

— Ничего уникального, но пусть будет. Массажистов где возьмёшь?

— Зачем где-то брать, если они уже есть.

— ???

— Славик и Стасик, чем плохи?

Клепалов поперхнулся пивом:

— Сдурел? Они танцоры. У них ноги развиты. А массажистам руки нужны.

— В этом и есть фишка нашего массажа. Мы будем делать не классический массаж, после которого клиенты выползают из кабинета на четвереньках, а нежный, вербальный — ориентированный сугубо на женщин. Ведь здоровой женщине, чтобы релакснуться, вовсе не надо, чтобы её превратили в отбивную котлету. Прекрасная половина любит, чтобы её поглаживали, почёсывали, щекотали. Женское тело обожает прикосновение сильных, но нежных мужских рук. Тем более им понравится, когда это будут делать два наших белобрых красавчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.